

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ЛИКА ВЕРХ

ПРЕФЕРАНС
СО СМЕРТЬЮ

Академия темных

Annotation

Когда у врага появляется козырь в виде смертоносного оружия, когда твоя тайна на грани разоблачения, когда твое подсознание работает против тебя, не остается ничего, кроме как принять правила игры и сыграть... в преферанс со Смертью.

Лица Верх

Академия темных. Преферанс со Смертью

© Л. Верх, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

Смутные догадки

Догадки мои столь смутны и страшны, что их опасно высказывать вслух – от этого они могут сделаться явью.

Генри Лайон Олди. Гроза в Безначалье

Время тянулось мучительно медленно. Главным образом потому, что я вот уже час сидела в кабинете магистра Айнеха. Он буквально вытащил меня из постели в семь утра в единственный выходной день. Магистр даже не потрудился подождать, пока я умоюсь. Отправил в кабинет и сказал, что я буду сидеть здесь, пока все ему не расскажу.

Два дня назад я узнала, что Гром – это Гарн, и осознание до конца ко мне не пришло. Дневник я ему передала вчера в полночь, когда кольцо Витора прочно обосновалось на моем пальце, на случай, если Гарн решит убить жертву-свидетеля, но за дневником пришел не он. Неподалеку был наготове отряд отца вместе с Дженом, но папа принял решение не брать посредника. В общем, дневник испарился в неизвестном направлении. Да, это глупо и крайне опасно, но тешит лишь одна мысль – дневник Гарн не откроет. Я надеюсь.

– Савелье, – магистр поднял на меня взгляд, оторвавшись от многочисленных бумаг, разложенных на его письменном столе, – долго намереваетесь молчать?

Я неопределенно пожалала плечами, не зная, в сущности, что ответить.

Дин несколько огорчился, когда узнал, что убийца не Айнех, а Гарн. Зато быстро высказал предположение, что Айнех заказчик кинжала. Проклятый магистр со взглядом вечной смерти. Малена не выдержала, отвесила Дину подзатыльник, сама же расстроилась из-за того, что натворила, и не разговаривала с ним до вчерашнего вечера. Дин отважно хотел отправиться отдавать дневник вместе со всеми. Малена молчать перестала и высказала ему все, что думала по этому поводу, а мыслила она очень масштабно и красочно. В общем, Джен обрубил на корню все возможные попытки Дина просочиться с нами. Теперь со мной не разговаривает Дин, зато охотно требует общения Айнех.

– Хочу вас уведомить, у меня на сегодня не запланировано никаких дел, – протянул магистр, перебирая бумаги.

– А зачем мне это знать? – я слегка напряглась, предугадывая ответ.

– Сидеть вы здесь будете, пока все мне не расскажете, – он саркастично улыбнулся. – Я никуда не тороплюсь.

Я даже не сомневалась.

Обидно, потому что в законный выходной я вынуждена сидеть в этом мрачном кабинете, в компании не менее мрачного магистра, а не лежать на мягкой кровати и видеть седьмой сон.

– Магистр Айнех, что вы хотите от меня услышать? – Я поерзала на стуле, желая поскорее отсюда уйти.

– Правду, Савелье, – магистр сложил перед собой руки и сцепил пальцы.

– Я – Ирэне Савелье, учусь на третьем курсе Академии НЦиБМ, – начала я, но магистр остановил меня движением руки.

– Это я уже слышал. Теперь хочу узнать правду, – он выделил последнее слово

требовательной интонацией.

Я неподдельно удивилась.

– Магистр, вы ведь чувствуете, когда вас обманывают. Я отвечаю вам предельно честно.

Айнех еще раз пытливо на меня посмотрел, затем откинулся на спинку своего огромного кресла и сказал:

– Допустим. Тогда как вы объясните факт незнания программы второго и первого курсов?

А это коварный вопрос... и, признаться, ответа на него у меня сейчас нет.

– Почему не знаю? – Я еще раз поерзала на стуле, находя его крайне неудобным. – Знаю. Я знаю... э-э... хм... – я вспомнила: зигзаг-закорючка-зигзаг... – Вот!

Торжествуяще указала на зависший в нескольких сантиметрах от меня кристаллик воды. Магистр сфокусировал на нем взгляд, снова посмотрел на меня и мрачно выдал:

– Вы издеваетесь, Савелье? – Он щелкнул пальцами, и мой кристаллик осыпался на пол горсткой песка.

– Нет, – впрочем, не до конца в этом уверена.

– Это школьный курс, первый класс, Савелье, – магистр походил на большую черную тучу. – Вы бы мне еще маячок показали.

Может, и показала бы, но у меня по-прежнему не получается его правильно сделать.

– Или пространственный карман.

И это я тоже не освоила.

– Магистр, я не понимаю, в чем вы меня обвиняете. Сформулируйте основополагающую причину моего допроса.

Айнех изогнул брови, взирая на меня, а я была готова бежать отсюда так, чтоб пятки сверкали.

– Не понимаете?

Я кивнула.

– Значит, не понимаете... – протянул он. – Хорошо. Можете идти.

Что, так просто? Могу идти? А зачем тогда надо было меня здесь держать?

Нет, я не стала задавать эти вопросы. Вежливо попрощалась и пулей вылетела из кабинета, пронеслась по залу некромантии, выбежала в коридор и пошла спокойнее.

Кажется, я на грани провала. Айнех догадывается, что я – не я. Может, поделиться своими догадками с остальными, а потом... Кто знает, что будет потом. Возможно, убьют. Возможно, начнут проводить какие-нибудь опыты. Типа – инопланетный житель в теле адепки Савелье...

– Рэне, – из левого коридора вывернул Витор, прерывая поток мрачных предположений, – у нас появилась маленькая проблема.

Он поравнялся со мной, осматриваясь по сторонам.

– У нас?

– Да, Рэне, – Витор закинул руку мне на плечо и утвердительно повторил: – У нас.

Удивилась ли я? Не то слово! Нет, я все понимаю, сама напросилась на вторую помолвку, сама же согласилась на его кольцо на моем пальце, но в целях самозащиты, не более того.

– Э-э... и какие у нас образовались проблемы? Не считая тех, что уже имеются.

Я решила не скидывать его руку, дабы не раздражать тонкую грань между «Витор спокоен» и «Витор зол».

Да, в последнее время он непривычно спокоен, но вдруг снова наружу вылезет тот Витор, который безжалостный, холодный садист? Лучше не провоцировать. Все-таки не ногу же он мне на плечо закинул, правильно?

– Не проблемы, а проблема, – Витор уверенным шагом вел меня по каким-то коридорам, где я никогда не бывала. – Маленькая проблема.

Мы остановились возле обычной деревянной двери, коих в этом здании великое множество.

Я собиралась спросить, зачем мы сюда пришли и что там за дверью, но Витор опередил. Просто распахнул ее, являя моему взору... кладовку. Со швабрами, ведрами, тряпками, вениками, совками, щетками...

– Кладовка – наша маленькая проблема? – я с недоумением смотрела то на Витора, то на хозяйственный инвентарь.

Витор слегка улыбнулся одним уголком губ и повел меня напрямиком на швабры и ведра. Наверное, следовало испугаться, но после многочисленных походов в стены швабры меня не напугали.

Где-то между тряпкой и щетками для снятия паутины мы словно попали в кисель. Тягучая субстанция как будто решала: пропускать нас дальше или нет. Когда к нам вернулась обычная подвижность, мы стояли на пороге большого светлого кабинета. Из окон лился солнечный свет, не позволяя разглядеть, что находится за стеклом.

Посреди кабинета высился стол, рассчитанный на несколько человек. Его окружали стулья, напротив на стене висела доска для написания мелом и... все. Больше ничего.

– И в чем проблема?

Трупов нет, крови тоже не вижу, да для этой Академии и трупы вовсе никакая не проблема.

Витор кивком указал на стул, сам же встал по другую сторону стола.

– Мне стала известна некоторая информация про турнир, – загадочно начал он. – В этом году по непонятным причинам было решено сделать одинаковые условия для всех, – Витор замолчал, давая мне время усвоить информацию. – Это и есть наша маленькая проблема.

Маленькая проблема? Да это огромная проблема!

– Как «одинаковые для всех»? Почему? Зачем?! – меня охватила паника.

Да, прекрасное начало дня. Лучше и придумать нельзя.

– Причины неизвестны, но факт остается фактом: первый курс или пятый – сложность для всех одна.

Я с третьим не знала, как справиться, а тут еще все объединили...

– А кто принимает такие решения?

– Инициатива обычно исходит от короля и приближенных, переходит на рассмотрение совета, и, как правило, инициативы всегда поддерживаются.

Какой все-таки гадостный человек этот Форлым. Я с ним незнакома, но уже знаю, что он мерзкий тип. Жлоб, циник и маразматик. Гнать таких с трона надо. Поганой метлой.

С моими знаниями на уровне кристаллика воды я паду жертвой храбрых и глупых на первом же испытании. Если объединили все курсы, значит, и сложность будет в пользу последнего, а явно не первого. Боги, вы продолжаете крайне не смешно надо мной подшучивать. Вы бы выбирали хоть, что ли, моменты поудачнее...

– Есть и плюсы, – бодро заговорил Витор, подходя к доске.

Я одним взглядом дала понять, что никаких плюсов не наблюдается. Один сплошной

минус.

– У нас преимущество в виде твоего знакомого, – с налетом недовольства, но все-таки больше позитивно (насколько вообще позитивно может говорить Витор) намекнул он, ожидая моего озарения.

Озарения не случилось. Я в расстройстве, какое может быть озарение? Да и если подумать, знакомых у меня здесь не так много. Дину неоткуда узнать, Айнех никогда не скажет, даже если будет в курсе, остается...

– Джен? – высказала я предположение, получив отрицательное покачивание головой.

– Принц Уиллис, – Витор неотрывно следил за моей реакцией, а я была поражена.

Откуда он узнал, что я с ним знакома? Я не говорила. Дин с Маленой не знают, а Джен с Витором общение не поддерживает. Остается вопрос: откуда Витору известен факт нашего знакомства?

– Ты... – хотела задать я вопрос, но Витор не дал его озвучить.

– Да, знаю.

Он кивнул, взял мел и, не дав мне и рта раскрыть, начал рисовать схему и параллельно объяснять:

– Турнир в этом году будет проходить в Академии НиПЭ.

Под этим жизнеутверждающим названием он попробовал изобразить деревья. Получилось неправдоподобно.

– Участвуют все пять Академий. В прошлом году Объединенная отказалась от участия, в список этого года она внесена, – Витор нарисовал группку человечков и обвел их в круг. – Сильный игрок у них один, о нем я расскажу на тренировке, – он отметил одну голову из группки крестиком. – Академия Гномов не имеет преимуществ в росте, магией владеют на среднем уровне, но в открытых поединках берут силой и мастерским владением оружием.

У меня ни того, ни другого и только немного третьего. Первое место точно будет моим. С конца.

– У эльфов отличное владение оружием и магией. Они наши главные соперники, – Витор не стал заморачиваться и нарисовал эльфийское ухо. – Природники в магии хороши, в бою – нет. Обычно половина выбывает на втором этапе, остальная часть – на третьем.

У меня тоже преимуществ нет. Вообще нигде. Не думаю, что мой кристаллик поразит всех до глубины души или прибьет какого-нибудь мутанта.

Витор закончил рисовать. Вся схема отделилась от доски и медленно поплыла ко мне. Белые контуры начали меняться, пустое пространство заполнилось яркими красками. Вместо эльфийского уха вырисовались эльфы с длинной густой шевелюрой. Кучка человечков по типу «палка, палка, огуречик» преобразилась в эльфа, гнома и человека. Неудавшиеся деревья преобразовались в три дуба гигантских размеров, объединенные между собой десятками искусно выполненных мостиков. Теперь чертеж был похож на большое полотно великого художника.

Я с замиранием следила за движущейся картиной. Она аккуратно опустилась передо мной на стол и будто приросла к нему. Витор тем временем начал выводить на доске другие рисунки.

– А как это?..

Я, едва касаясь стола, провела пальцами по поверхности, боясь смазать.

– Магия. – Витор продолжал рисовать, не поворачиваясь ко мне.

Такого я еще не видела... и, признаться, не могла даже представить.

– На втором испытании предстоит сражаться с энгерами, – вещал Витор спокойным тоном, словно говорил не о предстоящем сражении, а о погоде.

– С кем сражаться?

– С энгерами, – жених все-таки обернулся.

Не найдя на моем лице ни капли понимания, пояснил:

– Один из них тебя чуть не сжег.

– А-а... – понимающе протянула я, вздрогнув от воспоминаний о пламени в сантиметре от меня. – Разве это был не дракон?

Витор вернулся к рисованию.

– Нет, драконы в этих краях не водятся, – жених дорисовал, вернул мел на место и сел рядом со мной.

«В этих краях» – замечательно. То есть в принципе драконы существуют, и вероятность с ними столкнуться все же имеется.

Чертеж отделился от доски, преобразовываясь на лету, и лег поверх уже имеющейся на столе картины, дополнив ее страшными, огромными и отвратными существами.

– Энгеры – копия настоящих существ, либо увеличенная в несколько раз, либо уменьшенная. Их изменяют, соединяют с другими энгерами, в результате получается нечто ранее не существовавшее. Насколько фантазии хватит.

Они здесь не только трупы в качестве «боксерской груши» используют, еще и копии существ делают, чтобы их изуродовать? Изверги. Теперь понятно, почему у ящерицы была вторая голова добермана, – у кого-то большая фантазия.

– Эти энгеры, они живые?

Убивать уже мертвого все-таки проще, совесть мучает меньше. Он же один раз умер. Боги, я становлюсь такой же черствой, как все здесь живущие...

– Да, – подтвердил мои худшие опасения Витор, – но не могут размножаться и существуют, как правило, в единственном экземпляре.

Это не отменяет того, что они все чувствуют. Правда, жалость у них вряд ли в благородных качествах имеется.

Я вообще не хочу ни с кем сражаться. Ни с умертвиями, ни с энгерами, ни с людьми... Только меня никто не спрашивает: хочу я или нет. Хочешь жить – сражайся, не хочешь – твое право, будешь трупом лежать, а я даже меч из пространственного кармана достать не могу. На тренировки в руках ношу, прикрывая плащом. Потому что я же Ирэне Савелье. Я же чисто гипотетически это умею. Якобы умею... На третьем курсе учусь! Изучаю первый, и не сказать, что успешно.

На картине возле каждой Академии красовалось где по два, где по три энгера. Страшные, как моя жизнь.

Возле нашей Академии мутант неизвестного происхождения – трудно определить, кто взят за основу. Голова козла раз в пять больше реального размера, рога соответствующие... На такие если насадит, считай, конец. Туловище гориллы, и руки к нему прилагаются, вместо лап – копыта, притом что стоит он как человек. Жуть, одним словом.

– И что это... – я указала пальцем на рогатую гориллу. – С ним сражаться придется?

Нет, я не испугалась. Я же храбрец каких свет не видывал, одной рукой уложить смогу. Да, проклятая бездна, я испугалась.

– Придется, – безжалостно подтвердил Витор, заверив меня: – Я тебя подготовлю.

Подготовит. Не дотянуть мне сейчас до этого уровня.

– Я не смогу, – возразила я. – Я должна успевать по учебе, изучать первый курс и параллельно тренироваться, меня не хватает на все.

И это чистая правда. Плюсом идет нервное напряжение, не спадающее ни на грамм. Айнех допытывается, Гарн охотится, время поджимает.

– Магистр Айнех подобрался близко к правде, – продолжила я перечисление, – у меня нет права на ошибку.

Витор выслушал, сохраняя на лице холодное отчужденное выражение, к которому я уже более-менее привыкла. Его темно-синие глаза улавливали каждую эмоцию на моем лице.

– Поэтому мы будем тренироваться больше, – вынес он вердикт. – Без права на ошибку.

Плечи мои опустились вместе с руками. Мне конец. И на этот раз точно.

Я не могу тренироваться еще больше. Не могу физически. Джен с Уиллом пытаются выяснить заказчика кинжала, а пока этого сделать не удалось, мне велено морально и физически готовиться ко второй попытке кражи.

Разорваться, что ли, чтобы все успеть.

– Ладно, Витор, – я вышла из-за стола, – спасибо за информацию, но я еще хочу хоть немного поспать.

«Жених» кивнул и распахнул передо мной дверь в кладовку.

Бескрылый дракон, кстати говоря, прижился на моем пальце. Снять я его не пыталась, он меня не кусал, и вроде бы малейшее взаимопонимание присутствует. Черный камень иногда меняет свой цвет на темно-красный, но длится это обычно недолго. С чем связаны такие изменения, я пока не поняла, но обязательно узнаю. Я начинаю привыкать к бесконечным загадкам этого мира.

До холла мы шли в тишине. О чем разговаривать с Витором помимо тренировок, я не знала, а думать о них хотелось меньше всего, поэтому разговор завести я не пыталась. Витор, по обыкновению, тоже. Лишь напоследок он бросил холодное:

– В семь жду на стадионе, – и свернул в свой коридор.

В семь так в семь... Нам, простым смертным, остается только следовать расписанию.

Малена, счастливый человек, спала крепким сном, подмяв под себя подушку. Я недолго думая упала на кровать, не удосужившись переодеть платье. Помнётся – и бездна с ним, оно меня меньше всего волнует.

В сон провалилась мгновенно. Темный пустой коридор уходил вглубь, подсвеченный одним тусклым шариком света под потолком. Разглядеть, что там, впереди, возможности никакой. За спиной такой же коридор, темный и неосвещенный. Сделав пару шагов, врезалась в невидимую стену без возможности ее обойти. Пара шагов назад – тот же результат. Две стены прозрачные, две – каменные, и я... в ловушке.

– Это просто сон, – начала я себя успокаивать, – дурной сон.

Сон... конечно... Одна проблема – все до боли реалистично, как тогда, когда я попадала на полянку.

– Ирэне? – позвала я, догадавшись, кто стал причиной моего заточения.

Тишина в ответ радости не прибавила. Или она хочет меня напугать, или готовит пламенную речь. И то, и другое мне не нравилось. После нашего последнего разговора прошло достаточно времени, и я думала, она наконец смирилась со своей участью жить в самом темном углу моего сознания и не показываться оттуда, но, видимо, я ошиблась.

– В темном углу твоего подсознания... – издевательски протянула она. – Наивная девочка, – смех разнесся по коридору, отскакивая от каменных стен.

– Пришла посмеяться или узнать, как у меня дела? – я села на пол, прислонившись спиной к каменной кладке.

– Не угадала, – она забавлялась. – Я пришла сказать, твое время вышло, – лениво просветил меня голос. – Ты достаточно побыла на моем месте, пора *мне* вернуться на свое.

– Что? – не поняла я. – Ты не можешь. Ты всего лишь часть моего подсознания.

Надеюсь.

– Надежда тебе не поможет, – резко сказала она. – Ты останешься здесь, на моем месте. Будешь томиться в темноте и бессильно наблюдать за *моей* жизнью. Почувствуешь, что значит жить в голове, мыслями которой не в силах управлять!

Это что, шутка такая? Как ты можешь выкинуть меня из моего же тела? Это невозможно.

Внезапно палец, на котором у меня там, в реальности, было надето кольцо, начало резать, жечь и колоть, вызывая невыносимую боль. Ирэне что-то яростно кричала, но мне было не до нее. Мне словно без анестезии рвали кожу.

Больно... Как же больно...

– Не смей терять сознание! – вопил голос, а я мысленно отмахнулась.

Как я могу потерять сознание во сне? Или... или могу?

Прийти к какому-то выводу я не успела, провалившись во тьму и мгновенно очнувшись в комнате с дикой болью в руке. На платье, в том месте, где покоилась кисть, образовалось кровавое пятно, а кольцо, сотворившее это, смотрело на меня черными глазками-камушками, словно проверяя – я это или не я.

– Ты кричала во сне... – не открывая глаз, промычала Малена в подушку.

Выходит, я и вправду могла остаться там, в заточении собственного сознания... а дракоша... то есть кольцо... вытянуло меня. И что мне теперь, совсем не спать?

Я обмотала палец первым попавшимся на глаза шарфиком и села за стол. Дракоша вернулся в свое обычное положение и теперь неподвижно обнимал камень.

Даже во сне я в ловушке. Ирэне не успокоится... это факт. Она никого не жалела при жизни, никого не любила, чего ради ей вдруг измениться и испытать чувство сострадания ко мне? Она виновата в том, что я здесь. Она виновата в том, что меня хотят убить. По сути, все мои проблемы из-за нее, и теперь она же хочет от меня избавиться, живя в моем подсознании. «А не обнаглела ли?» – хочется задать вопрос, глядя ей в глаза, только у нее и глаз нет. Нет вообще никакой оболочки, и поэтому Ирэне так жаждет ее заполучить. Вернее, меня заполучить.

– Ты чего не спишь? – пробормотала Малена, открыв правый глаз. – Один выходной... Ты чокнутая...

– И тебе доброго утра, – я подперла подбородок левой рукой.

Выходной один... Да только кого это волнует? Айнеха не волновало, когда он выдернул меня из теплой постели на допрос. Ирэне тоже не волновало, когда она мне поспать не дала. Сейчас еще кто-нибудь заявится, и его тоже ничего не будет волновать.

Стоило об этом подумать, как в дверь тихонько поскребли.

– Рэне, – шепотом позвал меня Джен. – Ты спишь? – Его голова наполовину показалась из-за двери. – А, ты уже не спишь! – бодро воскликнул он, захлопывая дверь.

– Зато я сплю, тьма тебя заberi, Джен! – Малена со злости бросила в визитера подушку и спряталась с головой под одеяло.

– Какая-то ты нервная с утра, – со смешком прокомментировал он, отправив подушку в

обратный полет и присев на свободный стул.

– Ходят тут всякие, – не унималась подруга, – поспать не дают!

Джен промолчать не смог, хотя стоило бы.

– У-у-у... Я вижу, у кого-то недостаток мужского внимания, – усмехнулся он, забавляясь реакцией Малены.

Подруга рыкнула, отшвырнув одеяло. На ходу схватила халат, полотенце и вылетела в коридор, громко хлопнув дверью.

– Не стоило этого говорить, – без упрёка сказала я, продолжая смотреть на дверь.

– Мужская солидарность. Дину надо хоть чем-то помочь, – он продолжал усмехаться, пока не зацепился взглядом за мой перемотанный палец.

Платочек уже напитался кровью и теперь светил красным пятном.

– Что с пальцем?

Я, наверное, никогда не смогу привыкнуть к мгновенной смене настроения Джена. Веселость улетучилась, я и моргнуть не успела. Теперь на меня смотрел серьезный Джен, разительно отличающийся от того, что вошел в эту комнату пару минут назад.

– Кольцо, – ответила я, зачем-то погладив дракошу по хвосту.

– Пыталась снять?

– Наоборот. Оно мне помогло.

Джен всматривался в мое лицо, пытаясь уличить во лжи. Чтобы он не успел ничего надумать, я начала рассказывать:

– После разговора с Айнехом я легла спать. Во сне Ирэне заперла меня в ловушку, сказав, что теперь *она* будет на своем месте, а я останусь в заточении собственного сознания, а вот *он* меня, можно сказать, спас, – я продолжала поглаживать дракошу, невесело улыбаясь.

Джен некоторое время молчал, после чего спросил:

– Кто еще об этом знает?

– Никто.

Напарник кивнул и куда-то заторопился.

– Никому не рассказывай и не вздумай заснуть, – он взялся за дверную ручку. – Второй раз можешь не вернуться, – и вышел из комнаты, оставив меня одну.

Куда, спрашивается, он пошел? Хоть бы что-нибудь объяснил. Теперь сиди, гадай, накручивай себя... Да и вообще, зачем он приходил? Явно не просто так. Джен без причины не приходит. Надо было сначала все у него выведать, а уже потом про сон рассказывать.

Еще одна несправедливость – все проблемы в один момент. Не могла Ирэне подождать, пока пройдет турнир? Тогда можно не беспокоиться насчет недосыпа.

Малена вернулась довольно быстро, обедев хмурым взглядом комнату.

– Ушел этот великий ум и король юмора? – спросила она, стянув с головы полотенце.

– Не злись на него, – я задумчиво поводила пальцем по столу, – просто мужская солидарность.

Подруга стала чернее тучи.

– Ты всегда его защищаешь, – с нервными нотками сказала она, натягивая платье. – Только я не пойму, Рэне, защищаешь ты Джена, а кольцо носишь Витора. Странно, нет?

Малена проследила взглядом за моими мерными поглаживаниями кольца, не обратив никакого внимания на то, что палец перемотан.

– Просто Джен добрый.

И не только. Он понимающий, помогает мне, хотя я для него совершенно чужой человек.

Это достойно того, чтобы его защищать хотя бы в чем-то. В остальном обычно все наоборот.

– Я не сравниваю, Джен и Витор... словно небо и земля, – Малена высушила волосы и теперь подкрашивала глаза. – Я о другом говорю. Почему, если Джен тебе нравится и ты ему тоже...

– Он мне не...

– Не перебивай, – подруга недовольно прищурилась. – Разбудили меня, значит, я буду ворчать. А ты слушай! Так вот... о чем это я... – она задумалась. – А, о тебе и Джене. Почему же тогда на твой пальчик он свое кольцо не надел?

– Это ради защиты...

– Да-да-да, я помню. Ради защиты Джен мог на тебя и свое кольцо надеть, – продолжила гнуть свое Малена, – а он преспокойно отдал тебя Витору.

Пришла моя очередь хмуриться.

– Меня никто никому не отдавал.

Что это вообще за выражение «он отдал тебя Витору»? Я не вещь, чтобы меня передавать из рук в руки. Тем более ни одному из них я ничего не обещала.

Джен – мой напарник и тренер, а еще личный наставник и психолог. Витор – «жених» и тоже тренер. Без него я вряд ли подготовлюсь к турниру, и без него же я его не пройду. Совершенно неправильно оценивать их по одной шкале и приписывать им статус больший, чем просто нужных и необходимых мне в силу обстоятельств людей.

Конечно, к Джене я привыкла и вряд ли смогу распрощаться с ним, когда решится вопрос с кражей и дневником. Я даже не думала, что мы когда-то сможем перестать общаться. Витор... с ним я бы распрощалась без сожаления, хотя в последнее время он немного изменился и больше к себе располагает, но вряд ли он сможет заполучить мое безграничное доверие.

Джену я доверяю, как себе. Это глупо и безрассудно, только по-другому никак. Либо я ему доверяю, либо я теряю друга и напарника в одном лице.

– Пойдем завтракать, горе ты мое неопределившееся, – по-доброму усмехнулась Малена, только сейчас заметив пятно засохшей крови на моем платье. – Переоденься сначала. И расскажешь мне во всех подробностях, что у тебя с пальцем, – беспрекословным тоном сказала подруга и выпорхнула в коридор, бросив напоследок: – Я за Динем.

Чтобы рассказать, надо сначала придумать легенду, а с фантазией у меня сейчас, мягко говоря, не очень. Скажу, что случайно порезалась. Решила потренироваться в фехтовании, и вот результат – покалеченный палец. Правда, не исключено, что после этого Дин решится взять роль моего наставника на себя, и вряд ли Витор обрадуется сему обстоятельству...

Бездна. Когда настанет светлый момент под названием «Я избавилась от вранья»? Он вообще когда-нибудь настанет? Судя по постепенно расширяющейся заднице, в которой я нахожусь, этого момента мне придется ждать очень долго.

Быстро переодевшись, я вышла в коридор. Дин с Маленой вывернули из-за угла, о чем-то переговариваясь. Малена с недовольной гримасой что-то шипела, Дин с беспечной улыбкой ее выслушивал и, казалось, в суть не вникал. Неконфликтный он. Ему проще отшутиться, чем поругаться.

– Ты меня совсем не слушаешь, – донесся до меня гневный возглас Малены.

– Ты в нашей семье самая крикливая, – Дин притянул ее к себе за плечо, – тебя услышит даже мертвый. Что ты там говорила? – Он улыбнулся, а Малена взвилась.

– Он меня не слушает, Рэне, – она возмущенно на меня смотрела, – представляешь?

– Не ругайтесь, – ответила я, не желая занимать ничью сторону.

Если поддержу Дина, Малена меня съест и косточками не подавится. Если поддержу Малену, Дин сделает вид, что расстроен, на самом же деле не придаст этому никакого значения. Но я все равно предпочитаю держать нейтралитет в тех случаях, когда его можно сохранить.

На мое счастье, Малена о пальце не вспоминала, Дин тоже не обратил на него внимания. Правда, счастье длилось недолго.

Возле лестницы, спиралью уходящей вниз, меня остановил магистр. Он спускался и, к моему огромному сожалению, заметил меня. Я решила прощмыгнуть вперед, но попытка успехом не увенчалась.

– Савелье, задержитесь, – магистр заложил руки за спину.

На его лице блуждала загадочная, не соответствующая образу улыбка, и я невольно отметила, что она ему очень идет. Последний раз магистр был в приподнятом настроении на балу, после же он, как обычно, ходил со строгим видом, пугая и настораживая адептов, просто встав рядом.

Зная магистра Айнеха, все понимали – просто так он рядом стоять не будет. Ты либо где-то крупно ошибся, либо что-то натворил, либо и то, и другое, и легче в последнем случае тебе точно не станет.

Дин с Маленой застыли позади меня, настороженно наблюдая за магистром. А если быть точнее, с опаской смотрел Дин. Он упрямо не хотел верить в невиновность Айнеха.

– Магистр Айнех, что-то случилось?

С последней встречи прошло не больше двух часов, за это время я точно не успела нигде ошибиться, ничего натворить, разве что слегка пострадать, но это мелочи.

– Да, Савелье. Я совсем забыл отдать вам это, – магистр повел рукой в воздухе, достав из пространственного кармана небольшую белую коробочку, перевязанную красной лентой.

Теперь настороженно смотрел не только Дин, но и я.

– Это что? – Я не спешила тянуть руки.

Во-первых, я не знаю, по какому поводу подарок (а в коробочке с ленточкой явно он). Во-вторых, мне помнился печальный опыт со шкатулкой... И пусть дарил ее Витор, и вернуть я пыталась ему же, Айнех тоже вряд ли примет подарок обратно.

– Признаю, я забыл о вашем дне рождения, но как о нем могли забыть вы?

Со стороны друзей донеслись красочные ругательства с поминанием бездны, я судорожно соображала, какой сегодня день и когда мой день рождения. Вообще, у меня он всю жизнь был весной.

– Я не ожидала от вас подарка, – ответила я, стараясь не показать недоумения.

Мое тело уже не мое, теперь еще и день рождения, получается, не мой? От меня мне хоть что-нибудь оставят, интересно знать.

Магистр искривил губы в усмешке, с прищуром глядя на меня. Он определенно о чем-то догадывался. Верны ли его предположения, я проверять не рискну, но сам факт. Иногда мне кажется, он знает все мои тайны и видит меня насквозь. Не исключено, что именно так, но верить все же хочется в лучшее.

– Спасибо, – совсем уж неуверенно поблагодарила я, мелко подрагивающей рукой принимая коробочку.

Я успела забыть не только о якобы моем дне рождения, но и о пострадавшем пальце, за который взгляд магистра и зацепился. Казалось бы – просто повязка, что такого страшного и

ужасного может быть? Так думала я, но не магистр.

– Что с пальцем? – ровным тоном поинтересовался магистр Айнех.

– Ерунда, – отмахнулась я, – просто порезалась.

Сообразила о глупой лжи уже после того, как лицо магистра из добродушного превратилось в пристально всматривающееся. Кто его, хотела бы я знать, наделил способностью распознавать ложь? Зачем это сделали? Как теперь выкручиваться?

– Я хотела сказать, ничего серьезного, – поспешно добавила я.

Магистр бросил взгляд на друзей, те заверили:

– Мы ничего не знаем.

А я добавила:

– Они ничего не знают, – и в этом не было ни капли лжи, магистр это понял.

– Будем считать, вы просто оговорились, – с вернувшейся в голос суровостью произнес он и, еще раз взглянув на меня, Дина и Малену, пошел прочь.

Оговорилась. Скорее лягнула, не подумав.

Все, разоблачение не за горами. Айнех далеко не дурак, к глубокому моему сожалению.

– Рэне, мы... – Дин провел рукой по волосам с виноватой улыбкой. – Забыли про твой день рождения.

Я не обиделась. Это не мой день рождения.

– Темная бездна, как мы вообще могли забыть? – сокрушалась Малена. – Не расстраивайся, мы что-нибудь придумаем. Выберемся в какой-нибудь ресторан или бар...

Я не расстроилась. Ничуть. Меня больше волновал подарок магистра.

– Все хорошо, правда, – заверила я друзей на подступах к столовой, – вы мне лучше скажите, Айнех всех так поздравляет? – Я потрясла коробочкой, даже не догадываясь о содержимом.

Дин усмехнулся и ответил с иронией:

– Поздравляет, ага. Мне в прошлом году в качестве подарка достался третий полигон после учений некромантов. Шикарный вышел подарок.

Малена тоже усмехнулась.

– Не удивлюсь, если он преподнес тебе сердце умертвия, – мы сели за столик в углу, – или другой орган.

Я с отвращением отодвинула от себя коробочку, не испытывая ни малейшего желания перед едой любоваться наполовину истлевшими органами.

– Он чокнутый, но не настолько, – возразил Дин, по-хозяйски развязав и отбросив красную ленточку. – Та-дам, – напряженно протянул он, медленно поднимая крышку.

В следующее мгновение по столовой разнесся удивленный свист.

– Сердце умертвия он решил оставить себе, – пошутил Дин, доставая со дна коробочки брошь.

Тонкие серебряные линии сплетали цветочек, напоминающий ромашку, только серединка не желтая, а с голубеньким камушком. Красивая...

– Ты помнишь, что это? – Дин крутил в руках брошь, пока Малена не забрала посмотреть поближе.

– Что?

– Символ света, – ответила за него подруга. – Эльфийская работа. Они используют его как знак светлой магии. Ну, что-то вроде метки.

Светлая магия...

Темная бездна. Кипарис из умертвия, лук для светлых. Айнех, естественно, догадался, спрашивать в лоб не стал, а лишь тонко намекнул. Этого стоило ожидать. Не подарка, нет... Результата прозорливости магистра.

– Стоит вернуть? – с сомнением спросила, поглядывая то на Дина, то на Малену.

– Попробуй, – отозвался друг. – Только я не буду помогать тебе очищать полигоны.

Малена его поддержала.

– Сама, сама... – она вернула брошь в коробочку, туда же затолкала ленточку и закрыла крышку.

Да бездна с ним, с подарком. Карман не тянет. Отправлю в тумбочку и пусть лежит до лучших времен. Все-таки человек хотел приятное сделать. Наверное. Или в чем-то подвох? В любом случае лучше брошь, чем полигон с ошметками энгеров и умертвий.

Завтрак прошел в тишине. Вернее, я молчала, а друзья активно обсуждали возможную вылазку или, на худой конец, посиделки в комнате. Они решили использовать берлогу Дина, туда же вызвать Джена, мол, он сможет принести чего-нибудь покрепче компота и вкусной еды, и его компания их в принципе устраивает.

Я не стала говорить, что Джену, вероятно, сейчас вовсе не до празднования, зато я наконец-то поняла, зачем он с утра приходил. По старой памяти решил поздравить.

Меня же, как по закону подлости, начало клонить в сон, и после завтрака, чтобы хоть как-то взбодриться, я переделалась в форму, взяла лук и побежала на полигон.

Серые тучи заволокли небо, предвещая скорый дождь. Ветер клонил ветки деревьев, норовя сломать, и я с грустью отметила, что погода для стрельбы неподходящая. Сделать пару кругов и размяться ветер не помешает. Не сбавляя темпа, свернула на тропинку, уводящую сквозь кусты к металлическим воротам первого полигона, и затормозила, не добежав до намеченной цели пару метров. Я свернула с тропинки и боком, вдоль ограждения, подобралась к воротам, чтобы не раскрыть своего присутствия.

Действовала машинально, не задумываясь. И в мыслях не было подслушивать, но, увидев Витора в тренировочной форме в компании того «ангелочка», что я застала с ним в первый день, захотелось узнать причину незапланированной встречи. Витор, судя по форме, пришел тренироваться, а адептка в платье и на каблуках точно не собиралась бегать по многочисленным выбоинам и колдобинам.

В конце концов, девушки – существа весьма любопытные. Ну, интересно мне, о чем у них разговор.

Мне удалось застать конец речи адептки, полной негодования и скрытого возмущения:

– ...Раньше все было по-другому.

Выражение лиц я разглядеть не могла, но по тону Витора можно было понять, что он недоволен состоявшимся разговором:

– Прекрати унижаться, – холодно и хлестко произнес он. – Найди себе кого-нибудь, развлекись, – сказано было крайне безразлично. – Хватит за мной бегать. Твое поведение недостойно леди и позорит некромантов.

– Я целитель, – прошипела в ответ «ангелочек».

Наступила пауза, после которой Витор еще более безразлично произнес:

– А выглядишь как некромант. Тем лучше, в моем роду целителей не было, – и холодно добавил: – Я чту традиции.

Девушка что-то прорычала в ответ и выбежала с полигона, яростно размахивая руками. Меня она в порыве гнева не заметила, и я, словно только что здесь оказалась, вышла на

тропинку. Витор встретил меня вздернутой бровью, а я обернулась вслед «ангелочку». Она с остервенением ломала ветки кустов.

– Я смотрю, личная жизнь у тебя не складывается? – бесстрастно любопытствовала я, заходя на полигон.

На лице Витора не отразилось никаких эмоций.

– Ты носишь на пальце мое кольцо, и я тебе безразличен, – в тон мне ответил он. – Да, пожалуй, не складывается.

Я сняла колчан, положила на скамейку, рядом разместила лук.

– Я тебе ничего не обещала, – я стянула волосы на затылке в тугую хвост.

– Я от тебя ничего не требую, – Витор продолжал стоять возле ворот.

Я медленно приблизилась и выглянула, чтобы узнать: кусты на месте или их беспощадно превратили в кучу веток.

– По-моему, она не самый плохой вариант, – высказала я свое мнение и заметила блеснувший опасный огонек в темно-синих глазах. – Зря злишься, присмотрелся бы.

За последнее время я перестала бояться сказать Витору что-нибудь не так, а он прекратил на меня остро реагировать. Нет, вспышки контролируемого гнева у него по-прежнему случались, но он его либо выплескивал на умертвия и энгеров, либо гасил в себе, но меня не трогал. Хотя какой-то страх, что он снова причинит мне боль, остался.

Витор не стал комментировать мои слова и задал интересующий его вопрос:

– Тренировка в семь вечера, на часах девять утра. Почему ты здесь?

– Проявила инициативу, – я выполнила наклоны в разные стороны, разминаясь.

Витор отрывисто кивнул и на этот раз спросил о другом:

– Что с пальцем?

Я сделала пару приседаний, после чего ответила:

– Твоя настоящая невеста все еще пытается завладеть моим телом.

«Жених» плавными движениями приблизился, ухватил мою ладонь и, погладив кольцо большим пальцем, застыл, не моргая глядя мимо меня.

Это какой-то неизвестный мне способ медитации или познания глубин себя? Мой палец играет в этом ключевую роль? Он вообще очнется? Эти вопросы закружили мысленным хороводом. Я начала подмечать малейшие изменения в лице Витора.

Мало ли, вдруг сейчас посереет и упадет бездыханным телом. Попробуй потом докажи, что не имеешь к смерти несчастного никакого отношения. Спишут все на ревность, например. Типичные семейные разборки.

Хвала богам, Витор отмер, посмотрел на меня задумчивым взглядом, а руку не отпустил. Пришлось высвободиться самостоятельно.

– И что ты сейчас сделал?

Я осмотрела палец и кольцо. Вроде ничего необычного. Дракоша спокойно обнимал свой камушек, палец перемотан.

– Узнал детали, – коротко ответил он.

– Какие детали? – начала выпрашивать я. – И как вообще ты их узнал?

Витор, казалось, пребывал в своих мыслях и вместо ответа на мои вопросы бездумно сказал:

– Пять кругов бегом, не теряй времени зря.

Я открыла рот, чтобы возмутиться и потребовать объяснений, как он снова сказал, на этот раз жестко:

– Бегом, Рэне.

Ну ты и гад, по-русски говоря. Нет, так я говорить не стала. Не хотелось приводить Витора в состояние «сейчас убью». И он ведь может, что самое страшное.

Плюнув на раздражающую меня недосказанность, побежала по кругу полигона. Пять все-таки не пятнадцать, кои щедро раздаривает магистр Айнех всем опоздавшим и провинившимся. С особым маниакальным удовольствием он наблюдает, как адепт, приговоренный к пятнадцати полигоновским кругам, замедляет темп. Тогда он с пугающей радостью накидывает еще круг, и так каждый раз.

Конкретно со мной магистр любит поступать следующим образом: в зале некромантии, раздав всем задания, он встает позади меня и наблюдает, что же я буду делать. Мне повезло, у меня есть Нелин, но магистр дает ему команду подождать, мне – действовать, и смотрит. И ладно просто смотрит, он еще и комментирует с ехидством и в издевательской манере по типу: «Савелье, а мозг есть? Или он является украшением вашей черепной коробки?», «Что мы в первом семестре на втором курсе проходили? Все темы назовите, Савелье». Или вот его самое любимое и произносимое с завидной регулярностью: «Мне лично сдадите тему, адептка Савелье». Как итог, я должна сдать магистру практически весь второй курс, а на деле я и первый не знаю.

Спасает странная благосклонность магистра. Строг – да, но со сдачей почему-то не торопит, хотя долги растут в геометрической прогрессии. Я такими темпами из кабинета Айнеха вылезать не буду, круглосуточно сдавая то, чего в принципе не знаю. Дин пообещал увеличить время и усилить нагрузки... Но с моим взаимопониманием с магией, вернее, его отсутствием... в общем, нервов у друзей не хватает. Они честно пытались спихнуть мое обучение на Витора, но тот предвидел вероятные результаты, прибавил к этому свою эмоциональную нестабильность, умножил на риск прибить меня раньше времени и благоразумно отказался. Джен рвением тоже не отличился. Выстояли первые вызвавшиеся – Дин и Малена. Последняя все чаще отлынивает под любыми предлогами, и нервы испытывает на прочность только Дин.

Осталось пробежать половину последнего круга. Дыхание ровное, движения размеренные, все доведено до автоматизма. За последнее время я намотала столько километров, обогнала бы любого спринтера с минимальными физическими усилиями.

Внезапно моя нога за что-то зацепилась. Не разбираясь, за что конкретно, сделала попытку пробежать дальше... Сделала неудачно и повалилась лицом на землю, благо успела выставить руки, чтобы не расшибить нос.

Дернув ногой, с ужасом осознала, что меня кто-то крепко держит за щиколотки и не дает перевернуться на спину.

Паника? Где-то в пятках сидит, иногда о себе напоминает.

Старательно обходя мысли о причине обездвиживания, я из положения лежа поднялась, взглянула вниз – и да... увидела причину.

– Витор, – сама удивилась, сколь испуганно прозвучал мой голос.

«Жених» смотрел в сторону ворот, размышляя о вечном. Нет, я не знаю, о чем он размышлял, но меня он не услышал.

– Вито-о-ор, – на сей раз жалобно позвала я, наблюдая, как из земли все выше вылезают две руки и упорно двигаются вверх по моим ногам, не желая отпускать.

Полуистлевшие остатки мяса, голые кости с налипшей грязью, обрывки изорванной одежды... Боги, где же я так провинилась?

Отвлекая себя всевозможными мыслями о ромашках, предприняла попытку дернуть ногой и вырвать торчащую из земли руку. Успехом сия попытка не увенчалась, я даже на сантиметр сдвинуться не смогла. Когда Витор наконец-то обратил на меня внимание, я весьма искусно изображала судороги и тщетно пыталась отвоевать свои ноги. «Жених» посмотрел на меня и даже не заметил подползающих к коленям рук, тогда как во мне поселился безотчетный страх, что меня сейчас утащат под землю и безжалостно сожрут. Или просто оставят под землей задыхаться и умирать мучительной смертью.

– Чего стоим? – поинтересовался Витор, глядя мне в лицо.

– Меня... убьют, – только и смогла вымолвить я, с ужасом в глазах посмотрев на «жениха».

Он удивленно изогнул бровь и перевел взгляд вниз.

Я ощутила костлявые пальцы, обхватившие коленки, и действительно пожалела, что не обладаю магией. Обладаю, но не умею ею управлять и призывать ее тоже не умею, и вообще я бездарно погибну...

Додумать не дали сорвавшиеся с рук Витора два синеньких искрящихся шарика, мгновенно отрубившие руки у самой земли, и я, не дожидаясь дополнительного покушения на меня и мои ноги в частности, бросилась бежать подальше от этого места, осознавая с неменьшим ужасом... руки умертвия не отпустили, а продолжают сжимать мои ноги, болтаясь из стороны в сторону и гремя костями.

Я видела всякие трупы... Но чтобы они при этом хватали меня за ноги и за любые другие части тела... Никогда! Чертов некромантский мир!

Витор кинулся в мою сторону, я же затормозила, отрывая от себя противную на ощупь руку, которая, ко всему прочему, начала грозно щелкать на меня пальцами. Неслыханная наглость со стороны умертвий. Испытывая чувство отвращения, я все-таки отцепила от себя инородное тело, брезгливо держа его на расстоянии.

Витор не прикладывал, в сущности, никаких усилий. Он просто дернул вторую чужеродную руку, и она вмиг обратилась прахом. Мой же трофей неожиданно вскинулся в сторону лица, что меня крайне напугало, жар охватил все тело и руки, и... и теперь я держала ярко-зеленую еловую веточку.

– Мило, – прокомментировал «жених», глядя на преобразовавшуюся конечность. – Работает только под влиянием страха или можешь управлять? – поинтересовался он, смотря уже на меня.

Я откинула от себя псевдоветочку, тщетно унимая сердцебиение. Ужасный, жуткий, отвратительный мир...

– Пока не могу, – с трудом вымолвила я, не отводя взгляд от веточки.

А ну как снова оживет? Я на этом полигоне разве что не ночую, а руки из земли... впервые вижу! Да что там вижу, впервые ощущаю на себе мерзкие костлявые пальцы. Благо костюм глухой...

Витор застыл с отстраненным холодным выражением на лице, с прищуром обводя периметр полигона. Я благоразумно, повинувшись инстинкту самосохранения, спряталась за спину «жениха». Он, к моему счастью, оставил мой поступок без внимания и комментариев.

Да, можно было бы сбегать за луком и стрелами, но порывы ветра усиливаются, и толку от них будет мало, а с Витором все же спокойнее... Хотя неизвестно, кто сильнее желает меня убить. Он временами, или куча врагов Ирэне Савелье, перешедших мне по наследству.

С магией срочно надо что-то делать. Я ведь совершенно беззащитна в моменты, когда

оружия нет. Меч из пространственного кармана я достать не в состоянии, а носить клинки за поясом в Академии не разрешается. Моим единственным защитником в данный момент служит Витор, и он с пугающей уверенностью яростным прищуром обводил пространство полигона, пытаясь выхватить мимолетные движения. Но никаких движений не было, и лично я посторонних не видела. Именно поэтому решилась на вопрос:

– Витор, а что ты делаешь? – спросила я едва слышно, тоже контролируя взглядом пространство.

Он отвечать не спешил, и вообще я заметила, что сегодня он меня игнорирует больше, чем обычно. В любой другой ситуации этот факт меня ничуть не огорчил бы, но конкретно это обстоятельство требует хоть какого-то взаимного обмена информацией.

– Пытаюсь понять, откуда идет приказ, и блокирую повторный прорыв, – процедил он сквозь зубы. – А ты, дорогая, мне мешаешь.

Сначала я хотела возмутиться, потом ударить, затем поняла, что Витора легче убить, чем с ним спорить, и только поэтому проглотила его слова, не проронив ни звука. В конце концов, он не обязан меня спасать, но именно этим и занимается.

Ветер заунывно свистел над нами, и это были единственные звуки на всю округу. Умертвия не пытались вырваться на поверхность, убийц на горизонте не наблюдалось... удручающая картина. Вроде есть тот, кто хотел напугать, и в то же время его нет. Не убить, нет... напугать. И ему это удалось. Человек знал, что Витор отреагирует, знал, но все равно дал команду умертвиям. Умертвиям, которые подчиняются только одному человеку. Магистру Айнеху. Да, Джен рассказал мне кое-что об устройстве Академии, ее становлении и, собственно, вкладе магистра в Академию. Энгеры, умертвия и прочий «тренировочный инвентарь», как выражается напарник, подчиняются лишь Айнеху. Причина банальна – он единственный боевой маг и некромант в одном лице с максимальным магическим резервом в Академии. К слову, боятся его не только здесь... Гнева магистра опасается половина королевства.

Догадка, пусть и абсурдная, зародилась неожиданно...

– Витор, ты никогда магически его не вычислишь, – голос звучал твердо и уверенно, я даже не засомневалась в своих словах, – это магистр Айнех. – «Жених» со скепсисом взглянул на меня, а я решительно продолжала: – Он хотел меня проверить. Истинная Савелье точно не стала бы звать тебя, схвати ее умертвие. Она расправилась бы с ним сама, тем более действовало оно слишком медленно. Для убийства надо быть более оперативным.

Витор обдумывал мои слова.

– Ты права, – наконец признал он. – Без него умертвия пальцем не пошевелят, – после он стал хмурым и мрачным, а жути нагнали разразившийся гром и сверкнувшая над нами молния.

Жесткое лицо Витора продолжало «леденеть». Нет, все-таки он вряд ли когда-нибудь станет добрым. Я бы, честно, побоялась жить с ним не то что в одной комнате – в одном доме.

Айнех решил подловить меня, указать на явную ложь. Пока у него это прекрасно получается... Будь я уверена, что после того как правда всплывет, я останусь невредима, я бы волновалась куда меньше. А я не имею представления о намерениях магистра. Что он хочет от меня, что он хотел от Савелье...

Словно в насмешку надо мной, на полигон ступил магистр Айнех. Практически белые волосы наполовину заплетены в тугую косу. Эту прическу у магистра можно увидеть только

на тренировках. Черные узкие брюки из кожи, черная рубашка с расстегнутым воротом. Не совсем привычная для тренировок одежда...

– Адепт Гарье, прекрасная работа, – с жесткой усмешкой произнес он, – считайте, учения за следующий месяц вы прошли. Савелье, – он стер с лица ухмылку, – отвратительно. Вы не перейдете на четвертый курс, это я вам гарантирую.

Магистр не замедлил уверенного шага, стремительно сокращая расстояние между нами. Остановился в паре шагов, взирая на меня сверху вниз с заложенными за спину руками. Глаза прищурены, губы недовольно поджаты... Не стоит ждать ничего хорошего...

– Первый курс – навыки владения холодным оружием. Где ваш меч? – стальным, требовательным тоном вопрошал магистр, но дожидаться моего ответа не стал. – Второй курс – основы боевой магии. Или скажете, что вам внезапно отшибли память? – иронию в тоне четко расслышала. – Спасение утопающих, Савелье, дело рук самих утопающих, и когда вас станут методично уничтожать, помощи можете не дожидаться.

Он словно старался ударить словами побольнее, хлестко произнося каждое слово. Он прав. Он чертовски прав. Признаться в этом и подписать себе приговор? Ни за что. Дед всегда говорил: пока есть возможность бороться, борись до конца.

– Ма...

– Магистр Айнех, – перебил меня Витор ледяным тоном, – спасение своей невесты меня не напрягает, к тому же, Ирэне владеет оружием на достойном уровне, и вам это хорошо известно.

На губах магистра снова расцвела усмешка.

– Я повторю вопрос, заданный однажды: вы уверены, Гарье, что это ваша невеста?

Стоя спиной к Витору, я почувствовала, как на него накатывает злость, и... не поняла одного: зачем магистру нужен этот разговор?

– Вы сомневаетесь? – не выказав истинных эмоций, спросил Витор, и горячая ладонь, скользя на талию, болезненно ее сжала.

Магистр жест без внимания не оставил, и взгляд его наверняка при желании мог испепелить нас. У меня мелькнула мысль, что я здесь вообще лишняя и в эту затяжную неравную войну мне лезть не стоит. Многого я все-таки не знаю... того, что знать должна.

– С некоторых пор, – ответил магистр Айнех, не взглянув в мою сторону, словно меня здесь нет.

Мое знакомство с Айнехом поселило в душе страх. Я боялась магистра. Человека, от которого не знаешь, чего ожидать, стоит бояться. Главным образом, для пробуждения интуиции и того самого пресловутого чувства самосохранения. Затем линия поведения магистра сменила направление и я совершенно перестала его понимать. Предсказать его действия, слова, последствия... просто невозможно! Я считала магистра опасным для меня не меньше Грома. И каково же было мое удивление, когда он предстал передо мной «спящей» в другом обличье! Кратковременное явление, как оказалось. Я была рада. Рада, что он не попытался перенести тот разговор из лазарета к себе в кабинет. Теперь магистр всячески доказывает свою осведомленность касаясь меня, но не говорит прямо. Насколько я успела узнать, магистр прямолинеен как никто другой. А раз он до сих пор не сказал мне в лицо правду, значит, ему самому это выгодно. Поэтому...

– Магистр Айнех, я потеряла память, – выпалила я.

Рука Витора сжала сильнее. Не отразив на лице боль, я скинула его руку и сжала в ответ. Не с такой силой, но весьма ощутимо.

– Частично, – добавила, пока черные глаза, не мигая, вглядывались в мои.

Однажды мне довелось кратковременно потерять память после автокатастрофы, но она вернулась сама через несколько дней. Надеюсь, Айнех воспримет мое заявление как правду, а если нет...

– Причина, по которой вы утаили важную информацию от декана вашего факультета? – таким тоном он всегда говорил то, после чего, несомненно, следовало наказание, и мой ответ на суровость магистра не повлияет.

– Я боялась, – сказала я чистейшую правду.

– Чего? – незамедлительно уточнил магистр.

– Вас.

На мгновение мне показалось, что в глазах магистра мелькнуло огорчение, но лишь на мгновение. В следующую секунду взгляд снова стал колючим и холодным, а тон непререкаемым.

– Будем устранять пробелы, Савелье. Я лично займусь вашей памятью: – Внутри все перевернулось, но виду не показала. – За невестой надо лучше смотреть, – наставительно посоветовал Айнех Витору и резко, но не менее грациозно, развернулся и зашагал прочь.

Когда магистр полностью скрылся из поля зрения, я позволила себе минуту уныния. Имею право!

– Айнех. Память. Мне конец...

Пессимизм вследствие эмоционального истощения... Чувствую себя разбитой, а это непозволительно. До турнира меньше месяца, железные нервы пригодятся... И Гром вдобавок... и кража... и...

– Бездна... – вырвался удрученный стон, и я, развернувшись, уткнулась лбом в плечо «жениха». – Я точно никак не смогу вернуться в свой мир?

Витора мой неожиданный выпад удивил, а меня... а мне все равно. Я только что бегала с вцепившимися в меня руками умертвия, к тому же нарвалась на индивидуальные занятия с магистром Айнехом. Мне уже ничего не страшно.

– Точно, – Виктор безжалостно порушил крохотные надежды. – Система переходов заиклена внутри. Войдешь, выйти не сможешь, – он ладонью провел по пояснице, действуя на меня скорее отрезвляюще.

Русские ведь не сдаются. Вот и я сдаваться раньше времени не буду.

Вообще я сплошной позитив. Подумаешь, покусает меня умертвия, и ладно, что могут чего-нибудь откусить. Главное – жива, а без руки или без ноги, так кому какое дело?

– У тебя сегодня день рождения, – произнес Витор, продолжая поглаживать спину.

– Не у меня, – возразила я в ответ, отстраняясь от непривычно доброго «жениха».

Он весь какой-то... не такой.

– Праздновать и принимать подарки будешь ты, – он усмехнулся с подозрительно хитрым выражением в глазах, что Витору несвойственно.

– Ты сейчас тонко намекаешь на... что?

Витор выудил из пространственного кармана скрученный свиток со сломанной печатью и протянул мне. Его умение читать чужие письма я давно оценила. Совесть его за это ничуть не мучает.

Доченька, дорогая, мы с папой приготовили для тебя подарок. Вечером ждем на скромный ужин.

Слова «скромный ужин» напомнили о скромнейшем вечере с сотней человек, а на день рождения они половину королевства пригласят? Нет, я отказываюсь в этом участвовать. Я не любитель массовых мероприятий, особенно когда центром внимания являюсь я.

– Я могу отправить тебя вместо себя? – поинтересовалась я, в глубине души надеясь на положительный ответ.

– Со мной можешь, – заявил Витор, – другого варианта нет.

Возгласа «ура, веселье!» не последовало. Один выходной. Я хотела провести его в тишине и покое... а покой мне даже не снится.

Глава 2

Угнетающее бездействие

В мире нет ничего разрушительнее, невыносимее, как бездействие и ожидание.

Александр Герцен

Мы в полной тишине шли по коридору. Я в голове прокручивала возможные предлоги для сбегания с праздника, потому что либо я с горя напьюсь, либо уйду раньше, но трезвая. И я все больше склонялась ко второму варианту. Первый – это крайний случай, если никакие предлоги не сработают.

Дин с Маленой отказались от посещения торжественного мероприятия, организованного моими родителями, и я их нежелание разделила полностью. Но у меня, в отличие от них, возможности отказаться не было. Друзья пообещали по возвращении устроить мне сюрприз и компенсировать потраченные на празднике нервы. В этом мире я все больше пессимист, поэтому новость о сюрпризе тоже никакой радости не доставила. В последнее время сюрпризы я недолюбиваю.

В кабинет ректора входили так же в полной тишине, нарушили кою ради скупого: «Здравствуйте, лорд Ханеш» – и быстренько порталом перешли в гостиную дома родителей. Они о чем-то разговаривали в момент нашего появления, и разговор, судя по их хмурым лицам, был неприятный. Завидев нас, родители замолчали и натянули на лица улыбки.

– Рэне, – мама тут же заключила меня в объятия, – как ты? Все в порядке? – беспокойство сквозило в голосе.

Я заверила ее, что со мной все хорошо и лучше не бывает, хотя бывало и лучше. Папа подключился с расспросами и услышал то же, что и мама, – все прекрасно и великолепно.

Витор отвесил комплименты, как и в прошлый раз превратился в мальчика с добродушным лицом и в который раз вызвал неодобрительный прищур отца.

Я перестала обращать внимание на «жениха». Зачем? Пусть строит из себя прекрасного принца, все равно им никогда не станет. Разве что ужасным и вселяющим страх, и вообще... ужас, летящий на крыльях ночи. Черный плащ! Между прочим, очень ему подходит. И плащ у него черный. И сам он – туча грозовая светлее.

– Рэне, – папа отвел меня в сторонку, пока мама с Витором что-то обсуждали, – скажи мне, как себя в последнее время ведет магистр Айнех?

Подозрительно. И подозревает он меня.

– Как и всегда, всех строит и пугает, а к чему вопрос? – удивление вышло искренним.

Папа Айнеха ни в чем не подозревал, по крайней мере, мне о его подозрениях известно не было. Дин – да, готов был свалить все грехи на магистра, а вот отец...

Он улыбнулся добро и светло и ответил:

– Просто интересуюсь. Гости нас уже заждались, – добавил он громче, обращая взор на Витора и маму.

Она спохватилась и, скомандовав:

– Быстро переодеваться и в зал! – вытолкала меня в коридор.

Явно не простой интерес у отца к магистру... Неужели Айнех и впрямь причастен?

Только к чему: к краже или к дневнику? Надо обязательно выпытать у Джена, он должен знать. У них с отцом тесные дружеские отношения, проверенные не одним десятком лет.

– Твое платье уже готово, – зашебетала мама, поднимаясь по лестнице со мной, – переоденешься, Веронта тебе прическу сделает. В свой день рождения ты должна блистать как никогда, – она лучезарно улыбнулась.

Мы прошли по коридору до двери в мою комнату, мама зашла следом. За металлическую витиеватую окантовку, за которую цеплялся балдахин, зацепили вешалку с платьем. Юбка до колен, расклешенная, верх обтягивает грудь, никаких вырезов и разрезов... Миленький наряд цвета чайной розы. Бордовые туфли выбивались из спокойной гаммы, но в целом получилось довольно гармонично.

– Рэне, расскажи маме, как у вас с Витором обстоят дела? – ни к чему не обязывающим тоном завела мама разговор. – Когда ждать свадьбу?

Я как раз стала рассматривать себя в зеркале и застыла с оразившимся на лице испугом.

– Свадьба – хлопотная затея, Рэне, – тем временем продолжала мама, – мы должны успеть подготовить ее на высшем уровне.

Рот открывался и закрывался, звуки терялись на стадии зарождения.

– Мы не думали об этом, – смогла вымолвить я.

– Плохо! – воскликнула мама. – Уже давно пора об этом подумать. Тебе исполнилось двадцать четыре, – она встала за моей спиной, положив руки на плечи, – ты не будешь вечно молодой. Сто лет, сто пятьдесят, и начнешь стареть. Девочка моя, пора заводить семью.

То есть я с Витором должна завести семью? Нет, не согласна. Я ношу его кольцо, пока есть вероятность отправиться к богам и высказать им все, что накопело. Когда необходимость в кольце отпадет, оно вернется к законному владельцу. Но маму такой ответ не обрадует.

– Нам кажется, сейчас не лучшее время для свадьбы, – уклончиво и максимально мягко ответила я.

– Вам или тебе? – она изогнула изящную бровь. – Погони, интриги, расследования, – не женское дело. Витор со мной солидарен, я интересовалась. Оставь мужчинам хоть что-то.

Витор солидарен? Конечно, что еще можно было от него ожидать?

– Я всего лишь им помогаю.

Мама с недовольством покачала головой, но развивать тему не стала. Щепетильный вопрос со свадьбой поднялся бы рано или поздно, но я бы предпочла поздно, а лучше никогда.

Напряжение нарастало с каждой минутой молчания. В какой-то момент я даже ощутила, как воздух заискрился. Мама шумно вдыхала и выдыхала.

Она недовольна моим молчанием или ответом? Бездна... я не собираюсь за Витора замуж! Если останусь жива, смогу найти вариант получше. Вряд ли в Радо мне удастся это сделать... Разве что отправиться на поиски светлых. Принц Уиллис – весьма неплохой вариант, хоть и чрезмерно любвеобильный.

Нервная дробь каблучков нарушила тишину, следом раздалось не менее нервное, обеспокоенное и решительное:

– Так, все, хватит! – мама подскочила с места, сжимая пальцы.

Я ее в таком состоянии видела впервые.

– Ты должна выйти замуж, Рэне. Полноценно вступить под защиту рода Гарье. Пойми, родная, я не смогу еще раз тебя потерять. Мы с отцом сходили с ума, думая, что ты никогда

не вернешься, – она всхлипнула. – Гарье – один из сильнейших родов в Радо, он не даст тебе погибнуть.

Слезы и у меня собрались в уголках глаз, но о чем я могла думать, так это:

– Что произошло? – голос дрогнул.

Я отогнала плохие мысли и волнение, стараясь не думать о мрачной перспективе выйти замуж за Витора.

Мама обессиленно рухнула в кресло, прикрывая влажные от слез глаза.

Не этот ли вопрос обсуждали родители, когда мы пришли? Тогда понятна причина хмурого лица папы. Он был против помолвки, против свадьбы – наверняка вдвойне.

– Сегодня твой праздник, – со вздохом мама поднялась на ноги, – не будем его омрачать, – она улыбнулась, усиленно пряча грусть и горечь. – Веронта сейчас зайдет к тебе, я пойду, приведу себя в порядок и вернусь за тобой.

Мама поцеловала меня в лоб и, расправив плечи, вышла из комнаты.

Очевидно, меня хотят убить. И меня хотят убить с момента моего появления в этом мире. У меня уже иммунитет к такого рода новостям. Отец ежедневно с отрядом секретного назначения выслеживает Грома. Пока удалось выйти на след его поделщиков, но и до него скоро доберемся. Джен меня регулярно информирует. На нашей стороне принц. С такой командой мне ничего не страшно.

Лгу. Страшно. Но не так сильно.

За Витора я замуж не пойду, хватит его кольца, а с Громом мы как-нибудь без свадьбы разберемся. Я все еще помню слова деда: никогда не сдавайся, пока на поле есть игроки, которых надо убрать. И я не сдамся. В конце концов, зря я, что ли, выжила?

* * *

Прическу мне сделали простую: легкие кудри, распущенные волосы, симпатичная заколка в виде стрекозы сплошь из переливающихся камушков. Я выглядела намного скромнее, чем на своем первом «скромном ужине», и меня это порадовало.

Мама зашла в комнату, когда Веронта цепляла заколочку. На маме было платье свободного покроя в пол, туфли на очень низком каблуке, чему я крайне удивилась.

– Ты прекрасна, – она улыбнулась, глядя на мое отражение в зеркале.

– Ты тоже, – улыбнулась я в ответ, и мы, не задерживаясь, отправились к дверям знакомого мне зала.

В этот вечер все было иначе. По коридорам никто не сновал, музыки и голосов из зала не доносилось. Наверное, устали ждать и разошлись по домам. Что ж, я их понимаю. Ожидание редко кому приходится по вкусу.

Мама шла уверенно, я старалась следовать ее примеру, но у меня это получалось откровенно плохо. Руки тряслись, и я пыталась скрыть это, сцепив пальцы на животе. До чего не люблю я массовые мероприятия... Гораздо больше возможности незаметно воткнуть нож в спину.

Морально я была готова к переполненному залу, шуму и гаму... И совсем не готова к длинному широкому столу и сидящим за ним людям.

Со стороны двери во главе стола место пустовало. Рядом, по правую сторону, сидел Витор, по левую – Джен. Дальше мне незнакомые люди: женщина с пучком на голове,

напротив нее грузный мужчина, следом блондинка с надменным лицом и морщинками на лбу и мужчина с седыми висками. За ними, скорее всего, пожилая пара, хотя пожилыми их назвать язык не повернется. Мужчина полностью седой, но с ясным взглядом и лицом, лишь слегка тронутым старостью, женщина с покрашенной сединой, только у корней серебро едва заметно, подтянутое лицо... Рядом с ними еще одна, последняя пара, и они от рядом сидящих отличаются разве что внешностью. Во главе два стула, на одном из которых папа счастливо улыбался.

При нашем появлении все сидящие дружно повернули головы, и в этот момент я почувствовала себя чужой среди своих. За этим столом наверняка сидят самые близкие люди Ирэне, кроме Витора, а я... и не знаю никого.

Я изобразила на лице радость, стараясь не выдать волнения. Все молчали, мама прошла на свободное место рядом с отцом, а я застыла возле последнего незанятого стула...

– Цветочек, – голос с хрипотцой пронесся по огромному полупустому залу.

Он принадлежал последней из женщин по правую сторону.

– Хватит стоять, – тон ее был непререкаемым. – Садись и расскажи своим родным, как у тебя дела, как здоровье, в какие проблемы влезла, все рассказывай.

– Мама! – воскликнула, собственно, моя мама... Почти моя.

– Что мама? – Бабушка невозмутимо продолжила маленькими кусочками употреблять порезанную отбивную. – Цветочек по уши в дерьме.

– Мама! – возглас повторился.

– И не пытайся, я все знаю, – с тем же невозмутимым видом бабушка прожевала отбивную. – Мы с твоим отцом не настолько стары, чтобы забывать о разведке, и наша разведка говорит, что у Цветочка большие проблемы.

Папа скрипнул зубами, и на стол упала искореженная вилка.

– Зятек, не кипятись, – бабуля с укором посмотрела на него. – Ты не в состоянии защитить наших девочек, а мы еще можем это сделать.

За столом повисла давящая тишина, которую нарушил громкий выдох со стороны отца:

– Я могу защитить свою семью.

– Благодаря твоей защите моя дочь лежала в больнице? – в голосе бабушки не было ничего, кроме непоколебимого уверенного спокойствия. – Будем откровенны, да? Ты мне никогда не нравился, но ты понравился моей дочери, а я желаю ей счастья...

– Благодаря вашим пожеланиям, она два раза отменяла свадьбу, – едко произнес отец, и тут же мы услышали громогласное:

– Не перебивай меня! – и прежним спокойным, хриплым голосом продолжила: – Я не хочу потерять единственную внучку из-за твоего бессилия, зятек.

– Мерра, – предостерегающе произнес, видимо, дедушка, неодобрительно наблюдая за женой.

– Помолчи, Долес, – мгновенно нашлась бабушка. – Цветочек, – взор ее розоватых глаз обратился ко мне, и стало... жутко, – Цветочек, ты знаешь, да, что тебе предстоит свадьба?

Я под пристальным взглядом женщины с характером советского вождя медленно кивнула. Бабушка вздохнула.

– Вся в отца, такая же неопределенная, – еще одна изувеченная вилка полетела на стол. – Тебе нужна защита, Цветочек.

– Мерра, – дед предпринял попытку свернуть разговор, – это не тема для застольной беседы.

– Да, мама, давайте обсудим эти вопросы позже, – мягко произнесла мама.

– Не затыкай жену, – грозно сказала бабушка, – не перечь матери.

Остальные присутствующие за столом молча набивали желудки, даже не пытаясь вставить ни слова. Джен прятал веселую улыбку за бокалом, Витор с безразличным видом смотрел на гостей, а я хотела последовать зову интуиции и сбежать.

– Цветочек, Витор – прекрасный молодой человек, шикарная пара, – бабушка улыбнулась, а мне стало окончательно не по себе. – Вы помолвлены?

Я смотрела на нее округлившимися глазами не в силах ответить. Я таких бабушек раньше только в кино видела...

– Цветочек, – она перестала улыбаться, – я с кем разговариваю?

– Мы... да. Пом-молвлены, – с трудом выдавила под этим взглядом.

Бабушка прожевала последний кусочек отбивной и выдала:

– На одну проблему меньше, свадьбу сыграем через неделю, а там и все остальное решится.

– Что? – пронесся над столом чей-то сиплый вопрос. Оказалось – мой.

Она взглянула на меня так же пугающе.

– Что тебе непонятно, Цветочек?

– Как через неделю? Почему? Зачем?!

Джен под столом ободряюще сжал мою руку, только это не помогло. Я посмотрела на Витора, в надежде хоть на его лице увидеть признаки здравого смысла, но он лишь задумчиво рассматривал мое и говорить ничего не собирался.

– Это не вам решать, Мерра, – процедил отец и подмигнул мне.

– Кому ты подмигиваешь? – активизировалась бабушка и тоже посмотрела на меня.

Я стусевалась, непроизвольно сжав горячие пальцы Джена.

– Цветочек, – прохрипела бабушка, – ты что, против свадьбы с этим милым молодым человеком?

Совсем неловко. Помолвка ведь подразумевает свадьбу, чисто теоретически. И видимо, все здесь сидящие, кроме меня, отца, Джена и, надеюсь, Витора, эту свадьбу ждали...

– Не то чтобы против... о свадьбе рано говорить, мы ничего не решили...

– Все ясно, – мрачно заключила бабушка, – такая же неопределенная, как и твой отец, – повторила она и принялась за салаты.

За столом вновь повисла тишина. Джен позволил себе выбрать за меня блюда, наполнил мою тарелку, и я, как и все, принялась за еду.

Не ожидала, что у Ирэне такая бабушка... Совсем не ожидала...

– Рэне, твои подарки в гостиной, если хочешь, можешь посмотреть прямо сейчас, – сообщила мама, стараясь разрядить обстановку.

Я благодарно улыбнулась в ответ, решив заглянуть в гостиную позже. Подарки всегда приятно получать, пусть и не мне они предназначались...

– От нас с дедушкой тебе в подарок свадебное платье, – вновь заговорила бабушка.

– Мама! – подпрыгнула на месте мама, с негодованием смотря на бабушку.

– Цветочку надо под защиту сильного рода! – бабушка не желала униматься. – И вам это прекрасно известно!

– Прекрати меня волновать и нервировать, мама! – слегка прикрикнула мама, и все взгляды устремились на нее. С обреченным вздохом она произнесла: – Я беременна.

Радость от этого известия поборолла все другие эмоции, и каждый поспешил выразить

свои поздравления. Я обняла родителей, порадовалась, что у меня появится братик или сестричка, и, воспользовавшись тем, что бабушка переключила все внимание на маму, сбежала из зала.

Как порой дети отличаются от родителей. Мама совсем не похожа на бабушку. Манеры, общение, отношение к людям... Абсолютно разные.

Я прошла по широкому коридору, свернула направо, через арку зашла в гостиную. Взгляд упал на заставленный разными по размеру коробочками стол. Самая большая стояла рядом со столом, перевязанная голубой лентой, и я сразу поняла, что это и есть подарок бабушки с дедушкой. Его решила не трогать. Мысли о свадьбе угнетают, а мне, казалось, больше уже некуда.

Столько подарков... Я за все дни рождения столько не получала. Мы жили не бедно, денег при желании хватало на все, но уклады деда распространялись и на нашу семью. Заклучались они в следовании уставу, который он сам написал и подписал. Там четко значилось: не баловать и не баловаться. Подарки попадали под этот пункт. Традицией было проводить дни рождения неизменно дома, в кругу семьи, приглашать родственников. Тяжело, когда твой дед военный, и в то же время без него я была бы не я. Он всегда знал обо мне больше, чем родители, мог дать совет и никогда не ошибался в выводах. Он нашел бы что сказать мне сейчас, дал совет... он всегда твердил: «Цени тех, кто помнит о тебе в трудную минуту, и дорожи теми, о ком в трудную минуту вспоминаешь сама». Дед обо мне помнил всегда.

– Не знаешь, с чего начать? – по гостиной пронесся тихий голос Витора.

Я стояла возле стола, так и не притронувшись ни к одному подарку.

– Начни с этого, – желтая коробочка лежала на раскрытой ладони Витора, и ее среди прочих на столе я не видела.

– Что там? – Я с недоверием взглянула на «жениха», но подарок приняла.

– Посмотри, – уголок его губ дернулся вверх.

Если меня изощренно решили убить...

Я подняла крышку. На бархатной внутренней поверхности лежал крошечный бутон не то розы, не то лилии.

– Цветок? – уточнила, ища подвох. Не нашла. – Это цветок.

– Не просто цветок, – возразил Витор. – Он вырастет, питаясь твоей энергией, и сможет исполнить любое твое желание.

– Любое? – со скепсисом переспросила, не понимая, как цветок может исполнить желание.

– Любое, – подтвердил он, – но только одно.

Я аккуратно, двумя пальцами вытащила бутон, и он увеличился на один сантиметр, может чуть больше.

Невероятно...

– И что, он сможет отправить меня домой, если я попрошу?

«Жених» перестал улыбаться, вернув на лицо свое обычное выражение отстраненного безразличия, и кивнул.

Не верится, что все эти испытания могут в одночасье прекратиться. Это похоже на сказочное везение. А меня везение вместе с удачей предпочитают обходить стороной. И попала я совсем не в сказку.

– Ты ведь знаешь, что я хочу больше всего, – я бережно положила бутончик обратно в

коробочку, – почему решил сделать мне такой подарок?

Взгляд Витора блуждал по моему лицу, я же пыталась разгадать его игру. Он хочет мне помочь? Почему? Ведь ему что-то было от меня нужно и наверняка нужно до сих пор, ибо он ничего важного и ценного у меня не просил. С чего вдруг такое милосердие?

– Знаю, – Витор обошел стол так, чтобы он нас разделял, – но ты пожелаешь другое.

Не стоило думать, что все будет так просто.

– То есть это будет не мое желание, – утвердительно сказала, хотя подразумевался вопрос.

Он кивнул.

– Ты пожелаешь освободить подсознание от посторонней личности, – Витор говорил тихо, пришлось напрячь слух, чтобы расслышать.

Освободить подсознание... Заманчиво, весьма заманчиво. И я бы желала этого, если бы не желание вернуться домой, в свой мир, к своим родным, к своей жизни, а не чужой. Занимать чье-то место не так хорошо, как кажется со стороны.

Именно об этом каждый мечтал хоть раз. «Будь я на его месте, я бы...» Я знаю, что будет. Ничего хорошего. Жить прекрасно на своем месте, а жизнь другого человека может оказаться далеко не радужной конкретно для тебя.

– Что мне мешает просто вернуться домой и не вспоминать про вторую часть меня? – максимально тихо задала я встречный вопрос.

Из коридора послышались шаги, но Витор успел произнести прежде, чем в гостиную завернул подозрительно веселый Джен:

– Ты сама знаешь ответ.

– Вот вы где, – воскликнул Джен, – а я вас везде ищу. – Он ослепительно улыбнулся. – Ну что, молодожены, решили, где будет медовый месяц? – Джен положил руку мне на плечо.

– Мы не молодожены, – напомнила ему, на что он безмятежно ответил:

– Вопрос времени, – и так же безмятежно добавил: – Или ты хочешь примерить статус моей невесты? – Джен посмотрел на меня и подмигнул левым глазом, взору Витора недоступным.

Очередная акция «позлим Гарье»?

– А такой вариант возможен? – искренне изумилась я, совершенно не собираясь ему подыгрывать.

Просто интересно стало – он говорит серьезно или, как всегда, изволит шутить.

Витор в стороне не остался.

– Обсудим этот вопрос вместе? – с безразличием поинтересовался он.

Джен не растерялся.

– Можем пригласить Айнеха, он тоже претендует на сердце Рэне.

– Тоже? – вставила я свой вопрос. – Кто еще? – На момент показалось, что Джен имел в виду себя.

– Витор, – спокойно пояснил напарник.

– А ты? – вопрос сорвался сам собой, я даже не успела проконтролировать...

– А я хочу выпить, – усмехнулся Джен и вновь посмотрел на Витора. – Составите мне компанию?

Одним словом – Джен. Мне подумалось, что он... Не стоит об этом думать. Мы напарники, и он помогает мне не погрязнуть в проблемах еще больше. Айнех – магистр, Витор – якобы жених, Джен – друг, принц Уиллис – рядовой знакомый. Удобный расклад, и

менять его совершенно ни к чему.

– Знаешь... – протянула я, – я не против.

– Вынужден отказаться, – отстраненно произнес Витор. – Приятного вечера, – и с маской отчуждения на лице покинул гостиную.

Джен проводил его взглядом, дождался, пока «жених» пропадет из виду, и сказал:

– Нервный парень, – он усмехнулся. – Что будем пить? Эль, лотус, вино?

Меня неспешным шагом повели прочь из гостиной.

– Лотус? Что это?

В местных напитках, как, впрочем, и в еде, я не разбираюсь.

– Готовится из цветков лотоса, убойная вещь.

* * *

Джен сидел в глубоком кресле, потягивая эль. Вкусный напиток. Сладковатый, с приятным послевкусием... для каждого своим. Я чувствовала фрукты, а Джен сказал, что у него солоноватый привкус. Он напоминает ему о южных регионах, когда он там жил. Недолго, правда. Выкрал по заказу какую-то леди, заказчику сдал и вернулся сюда: в сырость и холод.

– Ты тоже считаешь, что свадьба нужна? – Я крутила фужер, наблюдая за поблескивающей золотистой жидкостью на дне. – Безопасность и все такое...

Он вытянул ноги и положил их на край кровати. Я сидела у изголовья, подложив подушку под спину. Мы перебрались в мою комнату, когда из кухни нас выгнала главная повариха этого замка... или дворца... или как назвать это нечто огромное необъятных размеров... Сили совсем не понравилось, как Джен начал лазить по ее шкафчикам и холодильникам в поисках вкусенького съестного, и она очень вежливо, с половником наперевес, попросила нас на ее кухне без ее ведома не хозяйничать. Зато в комнату нам по ее поручению принесли фруктовую нарезку, мясную нарезку, сырную нарезку и торт, который именинница, то есть я, разрезать не успела.

– Если говорить о безопасности, то тебе замуж надо за Айнеха выходить, – усмехнулся Джен. – Пойдешь?

Я замотала головой.

– С точки зрения безопасности, ты поступаешь глупо. В Радо четыре сильнейших рода, всего четыре, и все они угасают. Айнех – последний представитель династии с многовековой историей, – Джен задумчивым взглядом уставился в одну точку. – Они стояли у истоков нынешнего уклада. Становление современной политики проходило жестоко. Народ выступал против, лилась кровь, род Айнеха встал на защиту королевской семьи, подавил несколько восстаний, после к нему примкнул другой род – Вирхэн. Последний из рода Вирхэн сейчас живет аскетом в Грендорских лесах, доживает остатки своей длинной жизни. Нострейн – третий род, самый многочисленный в те времена, вступил в альянс освободителей, так его называли защитники короля, последним. Великий род... единственная, кто еще живет под его защитой, – женщина, волей богов бесплодная. Четвертый род – Астнойрех – тоже не оставил надежду на продолжение. Старик уже слаб и думает только о том, в каком из фамильных склепов сложить свои мощи.

Джен потер пальцами глаза, сникнув.

– Я знаю их лично. Каждого. Я учился у них. И видеть, как величайшие из всех родов, неизменно боровшиеся за ценности нашего народа, оставляют после себя одну лишь память, – невыносимо.

Всегда бодрый Джен выглядел подавленным. Он невидящим взглядом смотрел на стену, и в глазах его пронесся каждый, о ком он рассказывал. Закат неминуемо наступит, Джен это знает, но осознание неспособно принести облегчение.

– Ты учился у Айнеха? – тихо спросила я, пока напарник окончательно не поддался скорбным воспоминаниям.

– Он был первым, кто двинул мне в челюсть, – усмешка искривила его губы. – Срашивать челюсть – болезненное занятие, а срашивать ее самому себе...

– Айнех сломал тебе челюсть? – поразила я услышанному.

Джен с показным воодушевлением перебрался с кресла на кровать, сев рядом со мной и скопировав мою позу.

– Я совсем зеленый был, – начал рассказывать напарник, – а Айнех имел доверительные отношения с моим отцом. Для него двери нашего дома всегда были открыты. Отец считал своим долгом воспитать из меня настоящего воина и попросил помочь в этом магистра.

– Не сомневаюсь, Айнех был рад подобной перспективе, – воспользовалась я паузой.

– Не совсем, – Джен покачал головой. – Методы воспитания у Айнеха беспощадные, использовать их на сыне своего друга он не хотел, но мой отец настоял.

Джен замолчал, с искорками в глазах глядя на меня. Проверяет, интересно мне или нет?

– И-и? – подтолкнула я его к продолжению, едва не подпрыгнув на месте от нетерпения.

Напарник засмеялся.

– И Айнех взялся за мой бунтарский характер. Обойти его хоть в чем-то было сложно, но мне удавалось удрать с тренировок незаметно. В нем разгорелся азарт, ему понравилась эта игра, он принял мои правила, я хотел принять его поражение.

Он снова замолчал.

– Но проиграл ты? – предположила я.

– Я был к этому готов, – заявил Джен. – Юношеский максимализм сработал не вовремя, и я назвал Айнеха немощным магом, неспособным поймать даже мальчишку, – усмешка стала самодовольной. – За это в челюсть и получил. Пока ныл от боли, Айнех вдалбливал в меня правила поведения слабых с сильными и наглядно указал на мои ошибки, а потом заставил собственноручно срашивать себе челюсть.

– Жестоко, – скривилась я.

– Он вправил мне мозги. Я осознал, что прыгать выше головы не стоит, и благодарен ему не только за это, – лицо Джена стало серьезным, но улыбка быстро вернулась. – Я не стал воином и далек от закона, но свою школу жизни я прошел.

Как много загадок крутится возле одного Айнеха.

– Айнех – единственный человек после смерти отца, который может дать мне пинка и не получит за это в ответ, – без тени улыбки произнес Джен, – потому что он будет прав.

Слышать от Джена такие слова в адрес Айнеха не то чтобы странно... Весьма необычно, непривычно, и вообще, мне магистр видится в другом свете. Не спорю, взгляды всегда можно изменить, пересмотреть свое отношение, но я, наверное, пока к этому не готова.

Другое дело, если Айнех действительно окажется непричастен к кинжалу, покушениям и каким-нибудь другим сомнительным делам, о которых нам неизвестно.

– Ты уверен, да, что магистр ни в чем не замешан? – осторожно спросила я, думая, как вывести Джена на откровенный разговор.

Откровенный настолько, чтобы он рассказал то, о чем ему с отцом известно, а мне не рассказывают.

– Айнех не чист, если ты об этом. Он замешан во многих делах, но я уверен, что к покушениям на тебя он отношения не имеет. И к кинжалу в том числе, – Джен поднял указательный палец вверх.

Я доверяю Джену. Ему доверяет папа, ему доверяла Ирэне, и он кинулся ее спасать, рискуя своей жизнью и даже не зная, во что она ввязалась. Этот человек заслуживает доверия. И если он уверен в непричастности Айнеха, то и мне стоит уверовать. Хотя я не очень-то в этом сомневалась.

– Допустим, – согласилась я. – Что мы имеем? Студента-маньяка, залегшего на дно с дневником, таинственного заказчика кинжала, ко всему прочему проклятого...

– Не факт, – вставил Джен. – Мы не уверены, что заказчик проклят. Цель может быть другая: избавить от проклятия близкого человека или, наоборот, не дать кому-то возможности добраться до кинжала.

– Или шантажировать кого-то кинжалом ради собственной выгоды.

– Как вариант, – подтвердил напарник, поманив пальцем тарелку с фруктами, и она, как покорная овечка, подлетела и приземлилась на кровать между нами. – Как бы там ни было, разгребать все нам.

Нам... чем мы и занимаемся, в общем-то.

– Есть какой-то план действий? – поинтересовалась я, рассчитывая получить хоть какую-то информацию.

Папа предпочитал не посвящать меня в тонкости, считая, что для меня будет безопаснее пребывать в неведении. Я же придерживалась другого мнения.

– Есть, – подтвердил Джен, с обожанием глядя на торт. – Ты продолжишь готовиться и выступишь на турнире, а мы найдем способ поймать Грома.

– Это несправедливо, – дипломатично заметила я, безжалостно разрезая нежный бисквит.

– Это безопасно, – возразил напарник, едва ли не облизываясь.

Я фыркнула.

– Безопасно? Я выйду на поле один на один с чудовищем, не имея в закромах магических штучек.

Джен покосился на меня.

– Почти безопасно, – он вооружился ложкой. – Все, Рэне, тема закрыта.

И с видом «ничего не знаю» выбрал себе кусок побольше.

К слову, торт меня не волновал. Меня беспокоило и возмущало одновременно то, что меня, можно сказать, отстранили от дел. Меня! Я должна вместе с ними разрабатывать план поимки Грома, я вместе с ними должна сидеть в засаде, я... А девочек не берут.

– Ты же расскажешь, что вы задумали?

Надо попытаться зайти со всех сторон.

– Разумеется!

Я радостно пискнула, собираясь засыпать его вопросами.

Меня опередили.

– Как только поймем Грома, сразу расскажу, – с довольной улыбкой закончил Джен,

испортив тем самым весь настрой на допрос.

Завтра буду пытаться папу. Если не расколется, прибегну к последнему варианту – Витору.

* * *

Уснула я сидя, впоследствии упав на плечо Джена. Проснулась, когда он положил меня на кровать и собирался уйти. Ничего напутственного я говорить не стала, снова провалившись в сон.

Я видела себя спящую со стороны. Ровно так, как в фильмах умершие разглядывают свое бездыханное тело, с одной лишь разницей – я жива.

– Очередной бессмысленный сон... – пробормотала я.

Это странно – я чувствовала свое тело. Вернее, то призрачное тело, коим являлась в данный момент. Для убедительности попыталась взять со столика пустой фужер – не вышло. Рука прошла сквозь него.

– Странно...

Я задумчиво почесала макушку.

Осознанное сновидение. Каждый такой сон сопровождался голосом Ирэне, но ее нет. Или просто молчит?

– Ирэне? – позвала я.

Ответом мне была пугающая тишина.

Последняя наша «встреча» едва не закончилась для меня плачевно, нет никаких гарантий, что сейчас она пройдет иначе. Джен так ничего мне не дал на случай подобных ситуаций, соответственно, я от нападков Ирэне не защищена.

– Это не смешно, Ирэне.

Не думаю, что у нее есть совесть или что-то похожее, но, надеюсь, здравый смысл она все же не растеряла.

– Ты права, – наконец-то заговорила Ирэне. – Не смешно. Не смешно быть в заточении в теле, которое тебе принадлежит. Не смешно наблюдать за своими родными без возможности им что-то сказать. Не смешно!

Ее голос сорвался на грозный крик.

– Мое тело тебе не принадлежит, – твердо заявила я, щипая себя за руку, чтобы проснуться.

– Ошибаешься, – ненавистно выплюнула она. – Смотри и плачь от досады. Теперь ты поймешь меня! Возненавидишь, но поймешь!

В первые секунды я не поняла, о чем говорит эта ненормальная, а когда поняла... было уже поздно.

Мое призрачное тело осталось стоять рядом с кроватью, в то время как моя материальная оболочка распахнула глаза. Губы исказил довольный оскал, какой я за собой никогда не замечала и даже не подозревала, что могу так же.

Шок парализовал меня вопреки всей абсурдности ситуации, а та Ирэне, завладевшая моим телом, сладко потянулась и... кольцо начало вгрызаться в ее палец с силой и мощью, которой я еще не видела. Кровь мгновенно расплзлась по кремовому покрывалу алым пятном. Ирэне силилась его снять, закусив губы, но кольцо не поддавалось. Не в силах больше терпеть, она закричала, и я услышала чавкающий звук, словно кусок мяса откусили и

выплюнули.

Я поморщилась, не желая на это смотреть, но и не смотреть не могла.

Ирэне зарычала и каким-то немислимым образом сорвала кольцо. Оно отлетело и закатилось под кресло, а кровь продолжала поливать кровать.

Мой палец изувечен. Хотела бы я сказать, что ты, Ирэне, дорого за это заплатишь, но заплатила, похоже, я. Став сторонним наблюдателем моего тела в чужой жизни...

Наблюдать за тем, кем я была всю свою сознательную жизнь, оказалось... больно. И странно... вокруг меня происходило множество вещей, необъяснимых для людей из моего мира, но я к ним смогла привыкнуть. В какой-то степени. Смириться же с выселением из своего «дома», служившего мне верой и правдой двадцать три года, я не смогла.

Ирэне обрекла меня на мучения, которые я прошла из-за нее. А теперь она обрекает меня на бесконечное путешествие в виде призрака по этому миру. Я в корне не согласна с данной перспективой, только мое согласие здесь ничего не меняет.

Остается надеяться, что Витор все поймет, не найдя кольца на моем пальце. Да, на моем! Это мое тело! Оно принадлежит мне от рождения и до смерти, и полукровка Савелье не имеет права его у меня отнимать!

Глава 3

Путь сквозь стены

Бывает, и живой человек становится призраком.

Харуки Мураками. Кафка на пляже

Ирэне выглядела победительницей. Она источала уверенность и превосходство, намекая, что я в этом мире ничего не значу.

Даже если бы могла, не стала спорить.

Она наслаждалась моментом «жизни». Приняла душ, передела платье, и словно не было четырех месяцев существования в моем подсознании. Словно она и не умирала.

Я безвольно следовала за Ирэне, не имея возможности отставать от нее больше чем на сто метров.

Попытку «забраться» в тело я предпринимала, но результата это не принесло. Зато я услышала тихое шипение Ирэне:

– И не мечтай.

Я не мечтала. Я надеялась и верила. А что еще я могу, будучи призрачным напоминанием человека?

Мое пребывание в Радо все больше походит на фильм ужасов. Но обычно несложно предугадать, что будет дальше, а здесь я даже предположить не могу.

Как Ирэне удалось «выселить» меня? Если она смогла, значит, и я смогу. Остается совершенно незначительная деталь – Ирэне знает магию и этот мир лучше меня и наверняка предугадала мои попытки вернуться обратно. На любое действие найдется противодействие...

Пока я, качаясь на люстре, думала, каким способом сообщить Джэну и Витору о своем «приключении», похитительница моего тела окончательно привела себя в порядок и вышла из комнаты.

Я качнулась еще несколько раз и полетела следом.

Ирэне шла в направлении комнаты Витора. В руки к тому, кто мне нужен. Да, не думала, что признаюсь в этом, но сейчас мне Витор необходим как никогда.

– Надеюсь, он не захочет тебя видеть, истинная Савелье, – пробормотала я, не думая, что меня кто-то услышит.

Оказалось, Ирэне меня слышала. Подтверждением тому был косой взгляд за спину, где я и находилась. А мне, получается, везло. Я имела счастье не слышать ее ни за своей спиной, ни у себя в голове, кроме как во сне.

Что, если Джен и Витор обрадуются, когда поймут, что та Ирэне вернулась? Что, если они не попытаются мне помочь? Что, если...

Никогда еще я не чувствовала себя в более подвешенном состоянии. К слову, к своей «прозрачности» быстро привыкла. Отметила и некоторые плюсы. Например, не надо стучаться, чтобы зайти в комнату. Даже дверь не требуется открывать, она вообще не нужна. Проплывая сквозь стены где-то на двенадцатой по счету комнате, я заметила Джэна.

[Купить полную версию книги](#)